

«Мне ўсяго шаснаццаць светлых вёснаў,
Будзе дваццаць, будзе сорак пяць...»

Эти строки написала 16-летняя девочка из полесской деревни Порече на тетради, которая предназначалась для самого заветного — стихов. На обложке с портретом Янки Купалы так и написано твердым, уверенным почерком отличницы: «Для вершаў».

Девочка не знала, что 45 лет ей не будет никогда. 20 ноября 1988 года ей исполнится 40, а еще через 5 дней она упадет из окна только что полученной квартиры на 8-м этаже пятиэтажного дома в Минске улице Сторожеской. Уйдет из жизни, останется в литературе, в памяти, в легенде.

Литература нуждается в мифах. Иногда мифы появляются на свет, так сказать, «запланированно», дабы привлечь интерес общественности к герою. Но, как известно, самый невероятный (и жестокий) выдумщик — сама жизнь.

А жизнь юной полешушки Жени Янишиц складывалась вполне благополучно. Уже в детстве девочка заставляла говорить о себе. В четвертом классе она к празднику 8 Марта написала стихотворение про маму, и школьные учителя перекопали все книжки и журналы, пытаясь угадать, откуда ребенок «заимствовал» произведение.

Ну а когда самые отъявленные скептики уверовали в талант юной землячки, Жена Янишиц становится гордостью школы и вообще своей «малой родиной». Со временем, кроме выступлений в «районке», появляются публикации в республиканских изданиях. Жена очень активна, стихи просто льются из нее.

Каб не кідаць марна

Мне на вешер слоў,

Я бару ўпарта

Сцежку без слядоў.

Прасладу да мэты

Я свае сляды,

Каб на сцежцы гэтай

Расцеіі сады.

Эти строки написаны в 1964 году, когда Янишиц еще училась в школе, но в них уже чувствуются романтика «шестидесятников» и целенаправленность творческой натуры. Юная поэтесса участвует во всевозможных литературных конкурсах, побеждает. На подрастающий талант обращают внимание «литературные зубры» — и Евгении открыта дорога в литературу. Ее принимают на филфак БГУ, в 20 лет издается первая книга, критики наперебой высказывают мнение о будущей поэтессе. К имени восторженности... К испитанию «медными трубами» юное дарование готово — ведь все шло к этому! Евгения Янишиц, «палесская ласточка», автор проникновенных, очень светлых лирических стихов входит в культурный бомонд республики. «Напэўна, часяце ў мяне не па ўзросту» — эта строка из первой книги.

Когда поэтесса вышла замуж за поэта Сергея Панизника, красавца-военного, это стало событием республиканского масштаба. Свадебная фотография была напечатана в газете «Пгара-

тура і мастацтва», на застолье присутствовала вся литературная элита. Забегая вперед, скажу, что спустя годы мне пришлось быть в музее Евгении Янишиц в ее школе, там за стеклом витрины хранится свадебный венок с фатой... Грустно, когда подобные вещи из семейных реликвий, вызывающих сентиментальные, трогательные воспоминания, переходят в разряд музейных экспонатов.

Но это будет потом. А пока молодые уезжают в Чехословакию, где в то время проходил службу Сергей Панизник. Рождается сын Андрей.

Существует предрассудок — мол, две творческие натуры не могут ужиться под одной крышей. Мне самой довелось придумать немало вариантов ответов на вопросы подобного рода. Главное — понять, что женится не два поэта, а два инженера либо учителя — Он и Она, мужчины и женщины, обладающие характерами разной степени сложности и разной степени готовности к компромиссам (а ведь что такое супружеская жизнь, как не Большая Компромиссия). Иное дело, что творческие натуры к компромиссам менее склонны, да и пристальное внимание публики к «звездной четке» оказывает такое же губительное влияние на семейную гармонию, как недобрый взгляд на младенца.

Евгения Янишиц остается одна. У нее есть ее поэзия и сын. И — наша «благословенная» литературная среда.

Между тем творческая карьера, не в пример личной жизни, складывается удачно. Янишиц — депутат райсовета Советского района города Минска, член правления и президиума Союза писателей, в 1981 году принимает участие в работе Генеральной Ассамблеи ООН. Одна за другой выходят книги, случаются интересные поездки.

В 1978 году появились последние поэмы. Незадолго до

смерти становится лауреатом премии Ленинского комсомола Белоруссии за книгу лирики «Дзень вечарова», в 1986-м — лауреатом Государственной премии БССР имени Янки Купалы за книгу лирики «Пара любові і жалю». И все это — в довольно молодом возрасте. Какой удачливой она казалась, наверное, со стороны!

Чем отдалилось событие во времени — тем больше появляются версий, тем плотнее романтический флер, сквозь который мы его созерцаем. «Не уберегли» — сакральное восклицание небогатых современников всех времен и народов. Но можно ли уберечь от душевной боли, от невидимых травм? Один литератор, Янишиц, всерьез уверял меня, что косвенно виноват в ее смерти, — постеснялся подбихать, поговорить по душам, повлиять... Как будто, кроме него, это никому было сделать, как будто его слова имели вес больший, чем кого-либо! Да не так все безнадежно — у поэтессы оставались хорошие друзья, близкие люди, которые ее любили... Другому одному этого хватило бы, чтобы найти силы жить.

Через пять лет после смерти Евгении Янишиц мне довелось беседовать с ее матерью, Марией Андреевной. Вот строки из того давнего интервью о том, какой видела поэтессу ее мать: «Як яе пакрыўдзіць — магла плакаць тры дні. Вельмі была дакладная. Такой і засталася. Сама нікога б не пакрыўдзіла, але калі яе пакрыўдзіць — не знойдзе спакою нідзе. Яе талент быў як калючы драг для некаторах, аб ято яны каляліся. А ў самой не было абароны».

Што ж, і сама я ўразумела:

На вусях з гарычу святла

Жыву наўтулына і наўмела

З назменнай прагаю крыла.

Разумеется, окружающие замечали неладное. Незадолго до

смерти поэтесса стала ходить во всем черном, вела странные разговоры — словно прощалась. Прошлась и с нами, со мной и моим мужем. Пожелала держаться друг за друга, потому что врагов. На книжке, подписанной за день до смерти, слова: «Шчырым, таленавітым мам таварышам-паэтам — Віктару і Людміле Шніпам — з пажаданнем выдзіх творчых поспехаў ішчасна ў сямі дзяду, святла і любові! Шчыра — Ваша Яўгенія Янішчыц».

А через день — страшная весть, по иронии судьбы дошедшая до нас из Москвы, — коллегам-поэтам позвонил спросить правду ли, что Янишиц больше нет?

Такие события нельзя предвидеть, наверное, просто потому, что не допускаешь их возможности. Когда приехала «скорая», поэтесса была еще жива. Но — асфальт, чуть прикрытый первым снегом, восьмой этаж...

Версий было достаточно. Разумеется, говорили об одиночестве, неудавшейся личной жизни. О том, что рокерову роль сыграло то, что поэтесса уверовала, будто добилась в литературе всего возможного, и поэтому решила уйти на покой — вечный. Сплетничали, разумеется, и о несчастной тайной любви.

А вечарам, на схіле зоркі,

Прывойрацца ў пустым акне,

Што клічаць ты

А з жыта —

жытніно! — мяне!

...Желтый автобус польского

производства с неотполиваемым

саломом ехал через полесские бо-

лота, скованные тридцатиградус-

ных морозом. «Десант» белорус-

ских писателей, артистов, науч-

ных работников отправлялся на

празднование 50-летия со дня

рождения Евгении Янишиц на ее

родину. А там «палесская ласточка»

стала легендой. О знаменитой э-

Последним полет Ласточки Полесья

млячке вспоминали очень искренне и тепло. Дом, где она жила, школа, в которой она училась, парта, за которой сидела, — все стало исторической ценностью. Запомнилось многое — и не только выступления. В Пинском костеле святого Станислава, где проходил вечер памяти, на сцене упорно гасли свечи — как ни пытались их зажечь. Осталась в памяти и та свадебная фата в школьном музее, о которой я уже упоминала. В старом доме на стене — вышивка крестом, старательная работа старательной девочки: молдаванка, собирающая виноград. И — необычайно яркие звезды в небе Полесья, словно звенящие от мороза: наш желтый автобус безнадежно застрял на обратном пути где-то под Солигорском, на жутко пустынном шоссе среди мерзлых равнин.

Починка продолжалась до полночи. Вконец измотанному шоферу помогали толпавший главный редактор журнала «Неман» писатель Алесь Жук, бывший танкист. В промерзшем автобусе заиндевевыми стеклами потихоньку умолкали беседы, стихи и песни. Было тихо, холодно, темно и жутко. И только в полночь удалось стронуть с места наш надежный транспорт. А на следующий день мы узнали, что еще два транспортных средства, груженых гостями Евгении Янишиц, схавили по другим дорогам, также остановились и вынуждены были ремонтироваться до полночи.

Я не люблю мистики. Игры разума со сверхъестественным — вещь небезопасная. Кое-кто пытался найти нечто сверхъестественное даже в имени и фамилии поэтессы, усматривая в них зашифрованное послание о «нишем гении». Не станем же рассуждать о том, что понять не можем.

Поэзия, кстати, тоже, по мнению многих, должна постигаться не разумом. Удивительно, но у женщины, обладавшей «по жизни», видимо, трагическим мироощущением, стихи в большинстве очень светлые, даже если — о грустном. У поэзии Евгении Янишиц и сегодня много поклонников. Начинаящие поэты приносят мне стихи, посвященные ей. Студенты охотно берут ее творчество как тему для курсовых и дипломных работ. Готовится сборник воспоминаний о поэтессе. Книга ее поэзии недавно вышла в Болгарии и пользуется успехом. Но что еще написала бы Евгения Янишиц, задержись она на подоконнике жизни? 1988 год — только начало перемен в обществе, в политике, в сознании. Наверное, нашла бы для себя новые темы, по-новому осмыслила бы многое. Незадолго до смерти она попробовала писать прозу... И, возможно, расстановка сил на седьмнадцатом отечественном литературном Олимпе выглядела бы иначе.

Но случилось то, что случилось.

Ужо ні злом, ні бура не лякае,

Не ўзяць мяне ў

абодымічы тудэ.

Вось лалічак зямлі маеі, якая

На песні ўзыла, як на слязе.

Евгения Янишиц похоронена

на Восточном кладбище в Мин-

ске. 20 ноября ей было бы 55 лет

— вполне плодотворный для лиге-

ратуры возраст. Но 25 ноября —

15 лет с того момента, как распах-

нулось в бездну окно на 8-м эта-

же.

Людмила РУБЛЕВСКАЯ, «СБ».